

Научная статья

УДК: 347.1

DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.128.153

Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте

**Александр Иванович Гончаров¹,
Андрей Николаевич Садков²,
Виталий Андреевич Садков³,
Давуд Ахмедович Давудов⁴**

^{1,2,4} Волгоградский государственный университет, Россия 400062, Волгоград, Университетский просп., 100

³ Волгоградская академия МВД, Россия 400075, Волгоград, Историческая ул., д. 130

¹ goncharov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

² sadkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6148-0576>

³ wrendek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

⁴ davudov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1706-6124>

Аннотация

Информационное общество характеризуется широкомасштабным и интенсивным использованием компьютерных технологий в большинстве сфер экономических отношений. Очень многие процедуры взаимодействия личностей и хозяйствующих субъектов компьютеризированы и оцифрованы. Дистанционные технологии, применяемые в Интернете, позволяют коллективам, в частности, производить математические вычисления и получаемые данные использовать в интересах участников таких коллективных вычислений. Совокупность таких электронных данных в Российской Федерации легитимирована как цифровая валюта. Юридическое содержание и место цифровой валюты в имущественном обороте и системе его государственного регулирования является актуальным объектом научной разработки. В статье на основе исследования отечественного законодательства и доктринальных публикаций решаются задачи: обосновывается юридическое содержание цифровой валюты как зашифрованной информации и вида иного имущества; анализируются законодательные конструкции, предусматривающие функционирование цифровой валю-

ты в качестве средства платежа и инвестиций; выявляются качественные признаки цифровой валюты, присущие объекту гражданских прав. Цифровая валюта исследуется как совокупность электронных данных и информация, приведен авторское определение цифровой валюты. Цифровая валюта в обороте раскрывается как зашифрованная информация, расчетно-обменный эквивалент и инвестиционный актив. Аргументирована ошибочность законодательного признания цифровой валюты средством платежа. Критически оценены правовые конструкции, декларирующие возможность использования цифровой валюты в качестве инвестиций. Анализируются особенности оборота и развитие нормативного регулирования цифровой валюты в российском правовом порядке. Осуществлен правовой анализ парламентского законопроекта о «майнинге» цифровых валют. Обосновывается сущность и формулируется определение деятельности, направленной на получение цифровых валют путем математических вычислений на компьютерах частных лиц. Цифровая валюта рассматривается как разновидность иного имущества, сделан вывод о возможности признания «монеты» цифровой валюты объектом гражданских прав. В статье использованы современные доктринальные разработки преимущественно российских ученых по теме исследования, а также энциклопедические и нормативные источники. Выдвинуты предложения по совершенствованию правового регулирования общественных отношений в сфере имущественного оборота цифровой валюты.

Ключевые слова

цифровая валюта; информационные технологии; математические вычисления; информация в электронной форме; сетевой узел; Интернет; законодательство; имущественный оборот; иное имущество.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00475).

Для цитирования: Гончаров А.И., Садков А.Н., Садков В.А., Давудов Д.А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 3. С. 128–153. DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.128.153.

Research article

Digital Currency in Modern Russia: Legal Essence and Place in Turnover

Alexander I. Goncharov

Volgograd State University, 100 University Avenue, Volgograd 400062, Russia, goncharov@volsu.ru, GAI-AlexanderGoncharov@yandex.ru.

Andrey N. Sadkov

Volgograd State University, 100 University Avenue, Volgograd 400062, Russia, sadkov@volsu.ru.

Vitaly A. Sadkov

Volgograd Academy, Ministry of Internal Affairs, 130 Historical Str., Volgograd 400075, Russia, wrendek@mail.ru.

Davud A. Davudov

Volgograd State University, 100 University Avenue, Volgograd 400062, Russia, davudov@volsu.ru.

Abstract

The information society of our time is characterized by large-scale and intensive use of computer technologies in most areas of economic relations. Many procedures of interaction between people and business entities are computerized and digitized. Remote technologies used on the Internet allow groups of people, in particular, to perform mathematical calculations and use the data obtained in the interests of participants in such collective calculations. The totality of such electronic data in the Russian Federation is legitimized as a digital currency. The legal content and place of digital currency in property turnover and the system of its state regulation seems to be an actual object of scholar development. The article solves the following tasks based on the study of domestic legislation and doctrinal publications: the legal content of digital currency as encrypted information and the type of other property is substantiated; legislative constructions providing for the functioning of digital currency as a means of payment and investment are analyzed; qualitative features of digital currency inherent in the object of civil rights are identified. Digital currency is studied as a set of electronic data and information, the author's definition of digital currency is presented. Digital currency in circulation is disclosed as encrypted information, settlement and exchange equivalent and investment asset. The fallacy of the legislative recognition of digital currency as a means of payment is argued. The legal constructions on the possibility of using digital currency as an investment are critically evaluated. The features of turnover and the development of regulatory regulation of digital currency in the Russian legal order are analyzed. A legal analysis of the parliamentary bill on the "mining" of digital currencies is being carried out. The essence is substantiated; the definition of activities aimed at obtaining digital currencies by mathematical calculations on private computers is formulated. Digital currency is considered as a kind of other property, the conclusion is made about the possibility of recognizing the "coin" of digital currency as an object of civil rights. The article examines the modern doctrinal developments of mainly Russian researchers on the subject of research, as well as encyclopedic and normative sources. Proposals are being made to improve the legal regulation of public relations in the field of property turnover of digital currency.

Keywords

digital currency; information technologies; mathematical calculations; information in electronic form; network node; Internet; legislation; property turnover; other property.

Acknowledgements: The study was carried out in accordance with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00475).

For citation: Goncharov A.I., Sadkov A.N., Sadkov V.A., Davydov D.A. (2023) Digital Currency in Modern Russia: Legal Essence and Place in Turnover. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 128–153 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.128.153.

Введение

Примерно 14 лет назад в Интернет на добровольно-инициативной основе начали формироваться коллективы анонимных субъектов, использующих особые компьютерные программы для довольно необычных целей. Например, широкое распространение в одном из подобных коллективов получил программный продукт «Bitcoin», предусматривающий возможность вычислений 21 млн. особых «монет». В процессе работы соответствующего программного алгоритма на специальном компьютерном оборудовании каждый член коллектива имеет возможность математически вычислить «монету», которая в консенсусе с программным алгоритмом и с согласия всех остальных членов коллектива присоединяется к цепочке уже вычисленных «монет». Из года в год указанная цепочка становится длиннее, вычисления замедляются, ориентировочно в 2140 г. все 21 млн. «монет» «Bitcoin» будут вычислены. Внутри своего коллектива анонимные субъекты записывают данные о вычисленных «монетах» в «электронные кошельки» и далее используют их в качестве расчетных инструментов, как денежные суррогаты. В некоторых посольствах иностранных государств в Москве установлены банкоматы, в которых указанные денежные суррогаты можно обменять на доллары США; в Интернете также есть предложения от операторов платежных сервисов об обмене «монет» «Bitcoin» и других цифровых валют на российские рубли.

Работа программных алгоритмов и последующая передача данных в рамках интернет-коммуникаций обязательно предусматривают шифрование — криптозащиту. В связи с этим без всякого законного основания около 10 лет назад рождается и приобретает всемирное распространение термин «криптовалюта». Однако к государственным валютам вычисленные внутри коллективов анонимных субъектов «монеты» — денежные суррогаты — не относятся. В 2023 г. в целом ряде правовых актов термин «цифровая валюта» уже легитимирован, хотя применение и первой части термина «цифровая», и второй его части «валюта» весьма спорно. Слово «цифровая», по всей видимости, должна отражать двоичный код программных алгоритмов, в котором используются две цифры 0 (ноль) и 1 (единица). Слово «валюта», по всей вероятности, должна напоминать о применении данных денежных суррогатов в качестве средства платежа при встречном предоставлении товаров, выполнении работ, оказании услуг и др. Федеральный закон от 31. 07.2020 № 259-ФЗ¹ (да-

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

лее — ФЗ № 259) узаконил спорный термин. Согласно ст. 1 (п. 3) Закона цифровая валюта — это совокупность электронных данных. Словосочетания «цифровой код», «цифровое обозначение» могут применяться наравне с основным термином. Законодатель с самой первой статьи ФЗ №259 делает акценты на то, что цифровая валюта хотя и допускается в качестве средства платежа и в качестве инвестиций в локальных информационных системах частных лиц, государственные деньги она заменять не может, международной денежной или расчетной единицей не является.

Также законодатель определил основные направления использования цифровой валюты в качестве объекта имущественного оборота: во-первых, ее можно предлагать и принимать в качестве средства платежа, можно принимать в качестве средства платежа, например, за вычисления самих «монет» цифровой валюты; во-вторых, ее можно предлагать и принимать в качестве инвестиций. Указанные нормы вызывают вопросы: для чего и кому нужны новые неофициальные средства платежа; является ли цифровая валюта объектом инвестирования либо она — это новый инвестиционный инструмент? В связи с этим юридическое содержание и место цифровой валюты в системе государственного регулирования имущественного оборота в современной России являются актуальным объектом исследования. Уточним, что «криптовалюта» с научно-юридических позиций интереса не имеет и в настоящей статье не исследуется, поскольку как правовой категории ее в России нет.

На материалах российского законодательства и доктрины в статье обосновывается юридическое содержание и понимание цифровой валюты как зашифрованной информации, разновидности имущества и объекта гражданских прав. Цель исследования — развитие знания о цифровой валюте в трактовке российского законодательства достигается путем решения соответствующих задач: во-первых, обосновать юридическое содержание цифровой валюты как зашифрованной информации и вида иного имущества; во-вторых, дать оценку законодательным конструкциям, предусматривающим функционирование цифровой валюты в качестве средства платежа и инвестиций; в-третьих, выявить качественные признаки цифровой валюты, присущие объекту гражданских прав. Исследование осуществлено на методологической основе материалистического позитивизма в сочетании с применением общенаучных, частно-научных, специальных методов познания. В числе специальных методов юридической науки применялись: историко-ретроспективный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, метод системного исследования.

1. Цифровая валюта как совокупность электронных данных и информация

По данным Банка международных расчетов в 2022 г. более 80% центральных банков разрабатывали условия и порядок введения государственных цифровых валют в национальных юрисдикциях. Сейчас как минимум в десяти государствах цифровые валюты центральных банков уже функционируют. Первопроходцами в 2020 г. стали Содружество Багамских Островов и Камбоджа². В России цифровой рубль как цифровая валюта центрального банка на июль 2023 г. тоже законодательно урегулирован.

ФЗ №259 в п. 3 ст. 1 (о предмете регулирования и сфере действия закона) устанавливает, что цифровой валютой признается совокупность электронных данных. Как тождественные этой совокупности законодателем приводятся в скобках еще два синонима для определения цифровой валюты: цифровой код; цифровое обозначение. Такие электронные данные (цифровые коды, обозначения) фиксируются и существуют в особой информационной системе. Далее установлены два законных направления использования таких электронных данных (цифровых кодов, обозначений): их можно предлагать, и они могут быть приняты в качестве средства платежа, или без их предложения они могут быть приняты в качестве средства платежа (например, за выполненную работу по математическим вычислениям); их можно использовать в качестве инвестиций. Законодатель недвусмысленно установил, что такое средство платежа не является государственными деньгами ни России, ни денежной единицей иностранного государства, ни международной денежной или расчетной единицей.

В тексте десятистрочной дефиниции законодатель приводит фидуциарную характеристику, способы возникновения и существования цифровой валюты. Как видим, в отношении совокупности электронных данных (цифровых кодов, обозначений) отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных. В Законе при этом противоречиво сказано, что обязанные лица все-таки есть, причем допускается как один из них, так и два вместе: оператор информационной системы; узлы информационной системы. Также дан исчерпывающий перечень их обязанностей: указанные лица должны обеспечить, чтобы правилам информационной системы соответствовал: порядок выпуска этих электронных данных (цифровых кодов, обозначений); порядок осу-

² Available at: URL: <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc.htm> (дата обращения: 22.02.2023)

ществления в отношении этих электронных данных (цифровых кодов, обозначений) действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему. Раскроем далее юридическое содержание цифровой валюты, анализируя фрагменты законодательных дефиниций.

Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ³ (далее — ФЗ №149) в ст. 2 об основных понятиях, используемых в Законе, устанавливает, что информация — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Следовательно, юридически цифровая валюта является информацией в электронной форме. Эта информация может отражаться как совокупность данных, цифровые коды, цифровые обозначения. Информация упорядочивается и хранится в памяти компьютеров в виде зашифрованных записей внутри баз данных, визуально на мониторе это может отражаться строчкой цифр, букв, иных графических символов в архивной папке с каким-нибудь уникальным наименованием, может — в виде изображений «монет». Именно в эти архивные папки в компьютерных базах данных внутри своего коллектива анонимные субъекты записывают информацию о вычисленных «монетах», наполняя свои «электронные кошельки» цифровой валютой.

Кто является признанным и авторитетным хранителем зашифрованных записей в «электронных кошельках» и на каком компьютере такие базы данных находятся? По ФЗ №149 обладатель информации — лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации. Принципиально важная особенность: создание «валютной» зашифрованной информации (вновь добавляемой в коллективное обращение цифровой валюты), а также разрешение или ограничение доступа к ней осуществляются при обязательном участии всех членов коллектива анонимных субъектов, на каждом компьютере сети. Алгоритм работает так, что согласие каждого члена коллектива осуществляется как дублирование текущего состояния базы данных каждого участника. Для этого применяется специальная компьютерная программа и оборудование, указанные действия носят слаженный и согласованный, системный характер. Речь идет о функционировании информационной системы: в базы данных систематически посредством специальной технологии вносится информация. Весь процесс осуществляется техническими средствами, использующими электроэнергию и подключение к Интернету.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

2. Цифровая валюта в обороте как зашифрованная информация, расчетно-обменный эквивалент и инвестиционный актив

Цифровая валюта в каждой ее дискретной единице — «монете» — образует уникальную группировку символов, набор данных в электронной форме. Эти данные зашифрованы и записаны в память всех компьютеров, которые посредством Интернета соединены в локальную сеть и вместе работают по программе конкретной цифровой валюты, в получении которой заинтересованы определенные личности — участники такой локальной компьютерной сети. Каждый компьютер имеет в Интернете индивидуальный адрес, следовательно, такой узел локальной сети тоже становится неповторяющимся, уникальным. Ранее нами был предложен вполне содержательный термин — криптозапись; полагаем, что такое понимание цифровой валюты вполне допустимо и сегодня [Иншакова А.О., 2019: 497, 501]. Математические вычисления при положительном результате завершаются появлением в «электронных кошельках» владельцев объединенных в сеть компьютеров новых и новых криптозаписей, с течением времени цифро-валютный капитал по количеству «монет» у анонимных участников вычислений возрастает.

Для выявления юридического содержания, абстрагируясь, представим каждую дискретную единицу цифровой валюты в виде QR-кода, сплошь испещренного белыми и черными квадратами, которые соединены прямоугольными извилинами белых и черных лабиринтов между собой. Этот QR-код сформирован единственный раз и больше никогда не повторится, пока он фигурирует в данной локальной информационной системе. Если такие QR-коды материализовать в виде оттиска каждого на небольших листках бумаги одинакового размера, получатся наличные квази-деньги (денежные суррогаты). Если члены определенного коллектива договорятся о согласии принимать такие денежные суррогаты в обмен на материальные ценности, получатся фидуциарные квази-деньги с ограниченным обращением внутри этого коллектива. Но зачем законодатель в ФЗ №259 предложил конструкцию «совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые... могут быть приняты в качестве средства платежа»?

В силу ряда причин многие товары (выполнение работ, оказание услуг, предоставление имущественных прав) чаще всего не продаются мгновенно за наличные деньги. Это объясняется текущей платежной способностью покупателей (заказчиков, получателей услуг, арендаторов). Тогда появляется потребность купли-продажи товара (выполнения работ, оказания услуг, предоставления имущественных прав) без оплаты в мо-

мент их получения — с рассрочкой либо отсрочкой платежа — в кредит. Если товаропроизводитель (подрядчик, услугодатель, арендодатель) может выступить в качестве продавца товара (подрядчика, услугодателя, арендодателя) раньше, чем контрагент сможет деньгами подтвердить свой статус, между ними выстраиваются кредитные отношения. Функционирование денег как платежного средства возникает тогда, когда между субъектами имеет место правоотношение кредитора и должника. Правовая категория «платеж» применима только во взаимосвязи с правовой категорией «деньги». В связи с этим следует полностью согласиться с А.В. Габовым, что «цифровая валюта — это не рубль», и что рубль — это деньги [Габов А.В., 2021: 58–59]. Следовательно, цифровая валюта — не деньги.

Деньги реализуют функцию средства платежа специфическим образом, который отражает следующая формула: Товар (Выполнение работ, Оказание услуг, Предоставление имущественных прав) в долг → Обязательство об оплате долга → Исполнение долгового обязательства в срок → Деньги. Здесь движение товара (работ, услуг, имущественных прав) и денег возникает не как встречное, а происходит одновременно, погашение долгового обязательства совпадает с окончанием сделки купли-продажи (выполнения работ, оказания услуг, предоставления имущественных прав) именно по факту погашения долга путем выплаты денег. Временной разрыв между передачей благ и получением за них денежных средств обуславливает вероятность (риск) неисполнения платежа должником–покупателем (заказчиком, услугополучателем, арендатором) кредитору–товаропроизводителю (подрядчику, услугодателю, арендодателю), ведь за время исполнения долгового обязательства платежеспособность контрагента может существенно уменьшиться. Функционирование денег в качестве средства платежа лежит в основе возникновения их особой формы — кредитных денег.

В экономике современной России кредитные деньги применяются весьма интенсивно. Цифровые компьютерные технологии, в частности, дистанционного банковского обслуживания, позволяют решать задачи кредитования заемщиков с положительной кредитной историей в считанные часы одного рабочего дня. Действует обширный набор кредитных инструментов как для граждан (ипотека, автокредит, кредит на неотложные нужды, кредит на обучение, кредит наличными, кредит на ремонт жилья, кредит на точке продаж и др.), так и для юридических лиц (промышленная ипотека, кредит на пополнение оборотных средств, кредит на развитие бизнеса, овердрафт для покрытия кассовых разрывов и др.).

Насколько важна в современном социуме деятельность коллективов анонимных вычислителей цифровой валюты, которую они в виде крип-

тозаписей загружают в свои «электронные кошельки» на своих компьютерах? Вся их деятельность осуществляется анонимно, неизвестно, в каких юрисдикциях, вне государственного контроля. Следовательно, для социума все это имеет нулевую актуальность и значимость. С другой стороны, если нет нарушений законодательства, личности вольны распоряжаться вычисленными в алгоритме специальной компьютерной программы криптозаписями по своему усмотрению. Но зачем законодатель признает создаваемые анонимными вычислителями цифровые валюты в качестве средства платежа? Разве существует социально значимая необходимость отождествить в законе совокупность электронных данных с инструментом кредитного отношения — средством платежа?

Полагаем, что конструкция «совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые... могут быть приняты в качестве средства платежа» — это не более чем констатация факта. Конструкция неработоспособна, никак не влияет и не может влиять на поведение лиц, вычисляющих цифровые валюты, а затем распоряжающихся ими как объектами собственности, возможно используя их в качестве квазиденег преимущественно в своем локально-сетевом коллективе. С большой натяжкой период вычисления очередной дискретной единицы цифровой валюты допустимо толковать как отсрочку платежа (вычислил — получил «монету», пока не вычислишь — не получишь). Однако особенность ситуации в отсутствии должника, да и вычисляющий цифровую валюту доброволец кредитором тоже не является. Следовательно, законодателем допущена ошибка, обусловленная непониманием функции денег как средства платежа, которая может быть реализована только в рамках легитимной конструкции правоотношения кредитора и должника.

В анонимной среде в локальных компьютерных сетях внутри глобального Интернета межличностные отношения, складывающиеся при вычислении цифровых валют, ни в какой мере не регулируются при признании законодателем цифровых валют средством платежа. Вычисленная внутри интернет-коллектива анонимных лиц единичная «монета» — не более чем стандартизированный в данном коллективе блок зашифрованной информации, который в данном коллективе может на взаимно-доверительной основе использоваться как электронный расчетно-обменный эквивалент (причем спонтанно и каждый раз на индивидуальных условиях текущей ситуации и в зависимости от материальных интересов участников обмена). Вместе с тем использование таких электронных эквивалентов для взаимных, частных (локально-сетевых) расчетов и обменов российским законодательством не запрещено.

Второе определенное законодателем в ФЗ №259 направление использования цифровой валюты в имущественном обороте — «может

предлагаться и может приниматься в качестве инвестиций». Данная законодательная конструкция вызывает не меньше вопросов. Что означает предложение цифровой валюты в качестве инвестиций? Предположим, законодатель имел в виду инвестиционный капитал. То есть владелец цифровой валюты в счет своего вложения в предпринимательский проект предлагает хозяйствующему субъекту — инициатору проекта записать на этого инициатора в определенный «электронный кошелек» некоторый набор криптозаписей. Возможно, у такого хозяйствующего субъекта есть идеи, как использовать такое криптовложение для осуществления его проекта. Уточним, что в относительно небольших масштабах такие дистанционные проекты привлечения в качестве инвестиционного капитала отдельных цифровых валют в Интернете встречаются. Полагаем, что нет варианта легитимно вложить цифровую валюту в качестве инвестиционного капитала под проценты по договору банковского вклада, поскольку в этой правовой конструкции могут использоваться только государственные деньги; нет варианта и для договора займа (деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги). Также незаконно по трудовому договору производить расчет цифровой валютой между работодателем и работником.

Возможно, законодатель имел в виду предложение цифровой валюты в качестве объекта инвестирования (инвестиционного актива). Согласимся, что именно это направление привлекает пристальное внимание спекулянтов всего мира. Большинство известных нам аналитических публикаций о так называемой капитализации цифровых валют (таких как Bitcoin, Bitcoin Cash, Dash, Ether, Ripple) все последние 5–10 лет отражают исследования колебаний «котировок» этих объектов инвестирования относительно доллара США. Например, из наших наблюдений — в 2011 г. Bitcoin стоил один \$; в 2013 г. — 1.000 \$; 17.12.2017 — 19.483 \$; 09.11.2021 — 68.300 \$. 8.07.2023 один Bitcoin можно было купить за деньги дистанционно (на веб-сайте <https://currency.com>) по цене 30.249 \$. Очевидно, что, поскольку в пределах 10–12 лет указанная цифровая валюта Bitcoin относительно доллара США меняла цену тысячекратно, постольку это высоко рискованный спекулятивный объект инвестирования (инвестиционный актив). По данным иностранных авторов бурное развитие цифровых валют как объектов инвестирования подтверждается ростом за период 2016–2020 гг. количества с 45–48 до 190–200 млн. аккаунтов криптоинвесторов на интернет-сайтах криптопосредников [Blandin A., Pieters G. et al., 2020: 43].

Российские авторы подтверждают нашу позицию, что цифровые валюты рассматриваются инвесторами именно как объекты для краткосрочных вложений в них государственных денег с обязательным об-

ратным выходом из цифровых валют снова в государственные деньги с целью получения спекулятивной прибыли. При этом в качестве квази-денег цифровые валюты в криптопрактике малоинтересны [Луняков О.В., 2021: 10]; [Умяров Х.С., 2021: 2109]. Очевидно, мы снова приходим к выводу, что констатирующая сложившиеся отношения норма о том, что цифровая валюта может предлагаться и приниматься в качестве инвестиций, регулятивного значения не имеет. В то же время использование цифровых валют в качестве электронного расчетно-обменного эквивалента, а также инвестиционного инструмента, объекта инвестирования, включая ряд оснований, выделенных далее, позволяет признать цифровые валюты разновидностью иного имущества в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)⁴ о составе объектов гражданских прав.

3. Особенности оборота и нормативного регулирования цифровой валюты

Законодатель в ФЗ № 259 в качестве обязанного лица выделил оператора информационной системы. Согласно ФЗ № 149, оператор информационной системы — это эксплуатант. Им может быть как гражданин, так и юридическое лицо. Такое лицо ведет эксплуатирует информационной системы, включая обработку информации, содержащейся в базах данных этой системы. Совершенно инновационной для нормативного регулирования является в качестве обязанного лица фигура «узел информационной системы». Несомненно, что это человек — физическое лицо, однако в силу его анонимности конкретизация его правосубъектности невозможна. Неизвестно, сколько человеку лет, неизвестно, в каком интеллектуально-физическом состоянии и в какой юрисдикции он находится.

Какой смысл вложен законодателем в категорию «лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных»? Наиболее подходит термин «категория», так как применить термин «субъект» не получается. Очевидно, что если однажды член коллектива анонимных вычислителей (либо спекулянт-инвестор) обнаружит исчезновение записей о некоторой сумме, либо всех сразу «монет» в его «электронном кошельке», в такой ситуации законодателем указан ответчик, к которому потерпевший убытки субъект может выдвинуть притязание о защите своих прав и возмещении убытков. Гипотетически это можно реализо-

⁴ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

вать в отношении оператора информационной системы — эксплуатанта. Но можно ли выдвинуть материальное требование к узлу (к узлам) информационной системы — нет. Выявляется краеугольное противоречие: с одной стороны, имеется информационная технология распределенного по узлам ввода в базу новых данных (ввода изменений в состав имеющихся данных), в которой доверие исключается и заменяется математикой в работе компьютерного алгоритма. С другой стороны, создание «валютной» зашифрованной информации предполагает обязательное доверие и согласие всех членов коллектива анонимных субъектов положительно реагировать на все предложения по использованию имеющейся и вновь созданной цифровой валюты в качестве средства платежа, инвестиций, а также полное доверие к работе компьютерного алгоритма.

В чем состоит задача «лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных»? По мысли законодателя его обязанности — поддержание порядка, а именно: во-первых, выпуск электронных данных (цифровых кодов, обозначений) должен соответствовать правилам информационной системы; во-вторых, порядок осуществления действий по внесению (изменению) записей в отношении электронных данных (цифровых кодов, обозначений) в информационную систему тоже должен соответствовать ее правилам. С глубокой печалью воспринимается подобный созерцательный подход законодателя к попытке урегулировать отношения между анонимными лицами в этой сфере. Субъект по своей воле и в своем интересе присоединяется к коллективу анонимных субъектов, которые на добровольно-инициативной основе покупают за государственные деньги, генерируют и зашифровывают информацию и время от времени вносят в базу изменения о принадлежности записей тем или иным обладателям, которые фигурируют в этих отношениях в сети «Интернет» в виде адресов «электронных кошельков» с уникальными логинами и паролями. Весь процесс происходит в высокоавтоматизированном режиме при помощи компьютерной программы. Следовательно, надлежащим образом функционирующий алгоритм такой программы — это правила информационной системы, которые должны соблюдаться. Следовательно, несоблюдение порядка представляет собой только неправильную работу компьютерной программы.

Такие проблемы могут быть следствием целого ряда как технических, так и рукотворных причин. Возможен технический сбой, а также «взлом» компьютерной программы в противоправных целях. Однако противодействие искажениям в работе алгоритма такой программы не входит и не может входить в компетенцию эксплуатанта информационной системы (согласно закону им может быть любой гражданин, любое

юридическое лицо). Члены коллектива анонимных субъектов, каждый на своем компьютере (в своем узле) тоже влияния на работу алгоритма такой программы не имеют и иметь не могут. Следовательно, исполнение обязанности «лицом, обязанным перед каждым обладателем таких электронных данных», невозможно. Конструкция законодателя в исследуемой статье ФЗ №259 не более чем благое пожелание, чтобы в соответствующем коллективе анонимных пользователей компьютерный алгоритм работал надлежащим образом, как в части математических вычислений цифровой валюты, так и в части режима внесения записей о цифровой валюте в базу данных.

Далее закономерен следующий ряд простейших вопросов. Какова роль гениального автора компьютерной программы, которую на полном доверии использует для вычисления и учета цифровой валюты на добровольно-инициативной основе коллектив анонимных субъектов? Ведь коллектив может насчитывать десятки миллионов человек. Как ведет себя этот человек в пространстве и во времени? Может ли он в силу каких-то причин повлиять на алгоритм работы своего детища, что в глобальном масштабе повлечет нарушение всего порядка работы информационной системы? Несомненно, такой риск реален. Образно выражаясь, весь коллектив анонимных субъектов, на добровольно-инициативной основе вычисляющих цифровую валюту и ведущих расчетно-обменные операции с ней, является заложником гениального автора. Государство в связи с этим обязано предпринять законодательные меры к превенции потенциальных конфликтов и к выработке механизма защиты прав участников данной сферы общественных отношений.

Надежды на прогресс в регулировании исследуемой сферы общественных отношений возникли в связи с законопроектом № 237585-8, в ноябре 2022 г. направленным Председателю Государственной Думы. С глубоким разочарованием следует признать, что надежды не оправдались. Правотворчество группы депутатов в этом проекте закона непосредственно касается цифровой валюты в части совершения практических действий для ее получения. В указанном законопроекте не используется русское слово «добыча», а «под майнингом» цифровой валюты понимается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации вычислительных устройств и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию распределенного реестра, имеющих целью создание цифровой валюты и (или) получение вознаграждения в цифровой валюте»⁵.

⁵ Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 22.02.2023)

Цифровые валюты (совокупность электронных данных) мы называем денежными суррогатами потому, что деньги выпускают центральные банки государств. Коллективы пользователей для расчетов и обменов между собой генерируют данные криптозаписи — цифровые валюты в процессе отработки их компьютерами вычислительных алгоритмов. На компьютер добровольного участника коллектива, в какой бы точке планеты он ни находился, устанавливается специальная программа, которая проводя вычисления находит уникальную хэш-функцию для присоединения нового блока к существующей цепочке блоков. В процессе миллионов итераций компьютер добровольного участника коллектива подбирает один-единственный хэш (результат некоего математического преобразования блока от предыдущего блока цепочки), тем самым становится возможным «прикрепить» еще один блок к имеющейся цепочке блоков. Когда блок «прикрепился», то участник коллектива, чей компьютер первым решил данную математическую задачу, получает вознаграждение, а именно признанную в коллективе криптозапись — «монету» цифровой валюты, которая записывается в его «электронный кошелек». Поскольку без всякого на то основания эти криптозаписи в обиходе называют «криптовалютой», в указанных отношениях постоянно присутствует категория «сумма в цифровой валюте».

Термины «кошелек» и «сумма» имманентны понятию «деньги», однако выше мы доказали, что цифровая валюта — это не деньги. Консолидирующиеся вокруг криптозаписей с различными экзотическими названиями «монет» коллективы пользователей (таких как Bitcoin, Bitcoin Cash, Dash, Ether, Ripple и пр.) имеют различные особенности вычислений и временные горизонты на годы вперед. При этом во всех случаях для участия в подобной «предпринимательской деятельности» человеку необходимы: во-первых, определенные интеллектуальные и физические способности; во-вторых, специальные компьютерные программно-аппаратные средства; в-третьих, непрерывное и стабильное присоединение компьютера к Интернету; в-четвертых, должная мощность электроэнергии для функционирования всего программно-аппаратного имущественного комплекса.

По нашему мнению, никакой общественно-полезной функции и экономического развития подобные всемирные компьютерные вычисления математических формул для присоединения очередного блока к имеющейся цепочке блоков в той или иной компьютерной программе не содержат. Конечно, попутно идет совершенствование компьютерного оборудования, развиваются интернет-сервисы, наращивают продажи электроснабжающие организации. В то же время расширяются возможности отмывания доходов, полученных преступным путем, возрастает

противоправное потребление электроэнергии, сотни миллионов компьютеров вовлечены в решение математических задач, которые не способствуют прогрессу человечества. Так, в 2019 г. «Энергетическая компания «МРСК Северного Кавказа» обнаружила кражу электроэнергии на 130 млн. руб. в селе Плиево в Ингушетии. Энергетики обнаружили недалеко от села объект, на котором неизвестные лица незаконно установили два трансформатора, снабжавших энергией более 1600 майнинг-ферм. На одной из украинских АЭС выявили нелегальных майнеров, в СБУ не исключают, что криптовалюту добывали не только сотрудники станции, но и военные из Национальной гвардии, которые охраняли станцию⁶.

По существу, в рамках такой «предпринимательской деятельности» происходит превращение электроэнергии в криптозаписи в «электронном кошельке» ее потребителя. Поэтому авторы настоящей статьи считают невозможным употребление для терминологического определения математических вычислений цифровой валюты ни понятия «добыча», ни понятия «mining». В Русско-английском словаре, например, указано, что «добыча — это 1) извлечение полезных ископаемых из недр земли — extraction; минералов, угля — mining; 2) добытое из недр земли — output; добыча угля, руды — coal, ore output; 3) захваченное — booty, loot; захваченное грабежом тождественно — plunder; на войне — spoils pl., loot; хищника — prey; охотника — bag; рыболова catch; 4) жертва чего-либо: стать добычей — fall a prey (to)»⁷.

Как отмечено выше, участник коллектива «добытчиков», чей компьютер первым решил математическую задачу для прикрепления очередного блока к цепочке блоков, получает некоторое количество криптозаписей — «монет» цифровой валюты — в свой «электронный кошелек». Чтобы повысить вероятность успеха, владельцы компьютеров, участвующие в вычислениях, стали договариваться об объединении их компьютерных программно-аппаратных средств в локальные сети, например, по 100 компьютеров. Такое локальное объединение «добытчиков», несомненно, быстрее вычислит единственно верный хэш. Тем самым 100 пользователей в рамках локального объединения смогут «прикрепить» еще один блок к цепочке блоков в процессе объединенной работы компьютеров с существенно большей вероятностью и быстрее, чем каждый поодиночке. Снова, к сожалению, в законопроекте фикси-

⁶ Available at: URL: <https://secretmag.ru/news/.maining-po-kavkazski-okhotnik-za-bitkoinami-iz-ingushetii-ukral-elektroenergiyu-na-130-mln-rublei-04-09-2019.htm> (дата обращения: 22.02.2023); РосБизнес Консалтинг. Available at: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/637e3dfb9a7947082e0569b8> (дата обращения: 22.02.2023)

⁷ Русско-английский словарь. Available at: URL: (дата обращения: 22.06.2023)

руем очередной факт приверженности отечественного законодателя к англосаксонским терминам, например, термин типа «объединение добытчиков». «Под майнинг-пулом понимается объединение мощностей нескольких вычислительных устройств, принадлежащих разным владельцам (далее — участники майнинг-пула) и применяемых для целей майнинга, в результате которого осуществляется распределение полученной цифровой валюты между владельцами указанных вычислительных устройств»⁸.

Однако «майнинг-пул» при тщательном рассмотрении — вовсе не объединение лиц, владеющих компьютерами, не «объединение добытчиков». В законопроекте просматривается классический имущественный комплекс — объединение мощностей нескольких вычислительных устройств, принадлежащих разным владельцам. Накатывается снежный ком вопросов — что это: совместная неделимая собственность на общее имущество; долевая делимая собственность на соединенное в сеть имущество; объединение бизнесменов типа полного товарищества; производственный кооператив, основанный на членстве с одним голосом у каждого? Но подобные тонкости гражданского и предпринимательского права не беспокоят парламентариев, в законопроекте прослеживается прежде всего фискальный интерес.

В первом приближении можно было бы счесть возможным налогообложение именно самого имущества, как это урегулировано, например, в транспортном налоге — на каждую «лошадиную силу» автомобильного двигателя. Но в жизни невозможно достоверно выяснить, сколько компьютеров объединено в один пул, да и компьютеры могут быть разбросаны по нескольким юрисдикциям. И поскольку невозможно обложить налогом, допустим, 100 компьютеров в разных странах, закольцованных в локальную сеть, законодатели бесхитростно и легкомысленно перекладывают обязанность добросовестного сообщения об объектах налогообложения на самих «добытчиков», а налоговым администрированием должно заняться Правительство России: «В случае получения цифровой валюты в результате майнинга, лицо, осуществляющее майнинг, в том числе участник майнинг-пула, обязано предоставить информацию о получении цифровой валюты, а также информацию об уникальной последовательности символов, используемых для учета операций с цифровой валютой, зачисляемой в результате майнинга, лицу, осуществляющему майнинг, (адрес-идентификатор), в порядке и сроки, установленные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах»⁹. Однако

⁸ Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 23.02.2023)

⁹ Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 22.02.2023)

корень проблемы здесь в том, что каждое анонимное физическое лицо посредством Интернета погружается в глубины криптомира как раз чтобы обогащаться теневым образом, чтобы никто и никогда не узнал об интенсивности и масштабах его транзакций, и, несомненно, без намерений уплачивать налоги какому-либо государству и регулярно отсылать декларации в налоговые органы.

В связи с инициативами российских парламентариев обратим внимание, что доля Китая, который до недавнего времени был крупнейшим майнинговым центром мира, с 46% упала до 0%. Такой обвал объясняется императивно-регулятивными мерами, которыми майнинг с осени 2021 г. в КНР полностью запрещен. В результате добытчики цифровой валюты вынуждены перебираться в другие юрисдикции. В Китае криптовалютные транзакции полностью запрещены, они признаны разновидностью незаконной финансовой деятельности¹⁰. Полагаем, что Правительство КНР отчетливо видит более важные для страны направления использования электроэнергетических ресурсов, избытка которых в Китае не наблюдается. Вместе с тем, по нашим оценкам, в современной России, особенно на территориях вблизи 8 гидро- и 12 атомных электростанций, имеется профицит электроэнергии¹¹. Математические вычисления можно развернуть на условиях публично-частного партнерства и специального правового регулирования.

4. Цифровая валюта как разновидность иного имущества и объект гражданских прав

Анализируя доктринальные суждения по теме исследования, мы не обнаружили принципиальных и острых противоречий нашей позиции относительно юридического содержания цифровой валюты. При этом в утверждениях некоторых авторов присутствует путаница. Чаще всего встречается смешение понятий «криптовалюта» и «цифровая валюта». По нашему мнению, на юридическом уровне это недопустимо. Например, Э.Р. Вергелес утверждает, что в ФЗ № 259 «ничего не сказано о криптовалюте и блокчейне. Также в соответствии с указанным феде-

¹⁰ Банк России. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Available at: URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 22.02.2023)

¹¹ Балаковская АЭС, Белоярская АЭС, Билибинская АЭС, Запорожская АЭС, Калининская АЭС, Кольская АЭС, Курская АЭС, Ленинградская АЭС, Нововоронежская АЭС, Ростовская АЭС, Смоленская АЭС, ПАТЭС; Саяно-Шушенская ГЭС; Красноярская ГЭС; Братская ГЭС; Усть-Илимская ГЭС; Богучанская ГЭС; Волжская ГЭС; Жигулевская ГЭС; Бурейская ГЭС.

ральным законом криптовалюты не являются цифровыми денежными средствами, движение которых *будут* разрешено на территории РФ, в связи с тем, что нет самого определения криптовалюты» [Вергелес Э.Р., 2022: 37]. Полагаем, что не следует искать в ФЗ № 259 трактовку криптовалюты там, где ее не должно быть, поскольку в ст. 1 о предмете регулирования и сфере действия Закона четко указаны пределы и категории регулирования.

К.О. Бойкова классифицирует все виды криптовалюты в зависимости от степени финансовой безопасности: криптовалюта (денежные суррогаты) и цифровой рубль [Бойкова К.О., 2022: 189]. Считаем ошибочным отнесение цифрового рубля (одной из легитимных денежных единиц России) к криптовалютам. Кроме того, требует отдельного обоснования термин «степень финансовой безопасности». Е.А. Мосакова вразрез с законодательством большинства развитых стран утверждает, что криптовалюта — «новейшая форма денег», «новое слово в сфере денежного обращения», «позволит криптовалютам в среднесрочной перспективе стать одной из мировых валют» [Мосакова Е.А., 2021: 2–4, 6, 7]. М.М. Долгиева верно указывает математические принципы генерации цифровой валюты и автоматическое управление ею с помощью программного обеспечения [Долгиева М.М., 2022: 128–129]. В.Д. Кулигин и его соавторы приходят к выводу, с которым мы не можем согласиться: «Криптовалюта — это частные деньги. Такие деньги в форме векселей, купонов и сертификатов и т.п. всегда присутствовали в обороте любой страны» [Кулигин В.Д. и др., 2022: 151]. Во-первых, таких денег нет в обороте, во-вторых, векселя, купоны и сертификаты никогда не были и не могут быть формой денег.

Заслуживают пристального внимания выводы ряда известных российских правоведов. Профессор И.И. Кучеров считает «необходимым дополнить видовой ряд объектов гражданских прав новым объектом, к которому могла бы быть причислена криптовалюта. По мнению автора, таким видом могла бы служить документированная информация» [Кучеров И.И., 2018: 189]. Член-корреспондент РАН А.В. Габов напоминает, что «система объектов гражданских прав поэтому не статична, а весьма подвижна; законодатель должен вовремя реагировать на изменения внешнего мира и отражать их в праве» [Габов А.В., 2021: 63]. Наиболее близка к нашей теме работа профессора Л.Ю. Василевской, полагаем, что данную работу по глубине и широте исследования на начало 2023 г. следует считать лучшей по проблематике цифровой валюты. По ряду позиций наши мнения совпадают: «Криптовалюта является антиподом цифрового рубля, поскольку ее оборот осуществляется в рамках глобальной, децентрализованной по своей сути цифровой платежной

системы частных лиц, выходящей за пределы территории любого государства». Вместе с тем, мы не можем согласиться с нею в том, что «цифровую валюту следует квалифицировать как цифровой финансовый актив» [Василевская Л.Ю., 2023: 16, 17]. Это невозможно как минимум потому, что законодатель разграничивает упомянутые категории уже в названии ФЗ № 259.

Разрабатывая тему нашего исследования, уточним, что в данной постановке вопрос рассматривается впервые, и мы разграничиваем цифровые валюты и цифровые финансовые активы в трактовке российских законодателей и часто фигурирующие в научных публикациях «цифровые активы», «криптоактивы», «криптовалюты», «цифровые валюты». Поиск аналогий и отличий указанных категорий в изложении тех или иных авторов может быть полезен, однако в инвестиционной практике для инвесторов и получателей инвестиций требуется понимание и правильное применение цифровых валют и цифровых финансовых активов, которые легитимны именно на нашем финансовом рынке. Иностранные аналитики, отдаленно касаясь рассматриваемой нами проблематики, по понятным причинам не исследуют российские цифровые валюты и цифровые финансовые активы, однако мы внимательно анализируем их разработки [Haentjens M., de Graaf T., Kokorin I., 2020]; [Jianqiang G., 2022]; [Lucchesi M., 2021]; [Nagl, L., 2022]; [Oluyeju, M., 2022] и др.

Публикаций, предмет которых точно совпадал бы с темой нашего исследования, отыскать не удалось; вместе с тем проблематика категории «цифровые активы» привлекает внимание ученых. Например, профессор Д.А. Кочергин, классифицируя криптоактивы, неявно и косвенно интерпретирует цифровые финансовые активы как активы частных эмитентов и инвестиционные токены: 1) токены — ценные бумаги: акции, облигации и др. (нативно цифровые); 2) токенизированные традиционные финансовые и нефинансовые активы. Указанный автор отмечает, что «в тексте Федерального закона № 259-ФЗ отсутствуют ключевые понятия... “криптовалюта”, “стейблкоин”, “платежный токен”, “невзаимозаменяемый токен”, “децентрализованные финансы”». Но, мы полагаем, что их не следует искать в Законе, поскольку они изначально не включены законодателем в предмет регулирования. С выводом указанного автора о том, «что текущее регулирование оборота криптоактивов в России нельзя признать удовлетворительным в силу фрагментарности и запретибельного уклона» [Кочергин Д.А., 2022: 98, 111–115], мы не согласны как минимум в части тех самых цифровых финансовых активов.

В Большой советской энциклопедии отечественные ученые около 50 лет назад раскрыли юридическое понимание имущества как: 1) совокупности вещей и материальных ценностей, состоящих во владении

какого-либо лица; 2) совокупности вещей и имущественных прав на получение их от других лиц; 3) совокупности вещей, имущественных прав и обязанностей, которые характеризуют имущественное положение их носителя¹². В текущий период российский законодатель в ст. 128 Гражданского кодекса о составе объектов гражданских прав трактовку имущества развивает и детализирует: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Формально-юридически в состав вещей включаются денежная наличность и ценные бумаги — особые документы на листах бумаги. Несомненно, что помимо этих видов вещей, в их число входит еще весь огромный мир материальных ценностей, перечень которых ни в какой кодекс никогда не поместится. Иное имущество охватывает имущественные права и все то, что можно по тем или иным не противоречащим закону основаниям отнести к иному имуществу. Мы не находим запретов на отнесение цифровой валюты — существующей в электронной форме зашифрованной информации — к разновидности иного имущества в составе объектов гражданских прав в контексте указанных положений ст. 128 ГК. Мы разделяем позицию А.В. Габова: «объект гражданских прав — это, прежде всего, определенная идея, которая появляется путем абстрагирования признаков различных явлений (объектов) внешнего мира, не относимых к субъектной его части, с «маркированием» определенной группы объектов каким-то единым родовым понятием». Также мы полностью согласны с тем, что «не имеем ли мы в виде цифровой валюты игру словами, затемняющими смысл?» [Габов А.В., 2021: 62–64].

В.Д. Кулигин и его соавторы формулируют отдельные выводы, которые созвучным с нашими: «Биткоин представляет собой цифровую, информационную структуру, предназначенную для совершения обмена» [Кулигин В.Д. и др., 2022: 151]. Поддерживаем позицию, обоснованную Р.М. Янковским, в той части, что «урегулирование прав на криптовалюту как абсолютного права требует описания в законе нового объекта гражданских прав — наподобие того, как установлен особый правовой режим бездокументарных ценных бумаг». Также согласны с названным автором, что «хотя Гражданский кодекс не раскрывает понятия «иное

¹² Большая советская энциклопедия. В 30 т. М., 1969 — 1986. Available at: URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/053/584.htm> (дата обращения: 22.02.2023)

имущество», с учетом современных реалий и уровня технологий это понятие допустимо трактовать максимально широко, в частности, включая в состав имущества криптовалюту» [Янковский Р.М., 2020: 50, 52].

Единичная «монета», математически вычисленная внутри интернет-коллектива анонимных лиц, представляет собой стандартизированный в данном коллективе и уникальный блок зашифрованной информации, который в данном коллективе может на взаимно-доверительной основе использоваться как расчетно-обменный эквивалент, а также в качестве инвестиций. Каждая «монета» цифровой валюты дискретна и индивидуальна, представляет собой никогда не повторяющийся шифр — блок информации в электронной форме, всегда закреплена за конкретным человеком и способна к обороту путем перезаписи между «электронными кошельками», учитываемыми на компьютерах участников расчетов (инвестиций), при этом «монета» цифровой валюты непрерывно подвергается оценке в пересчете на государственные деньги, как правило, американской юрисдикции. Устойчивая, многолетняя практика использования людьми «монет» цифровых валют в качестве расчетно-обменных эквивалентов, инвестиционных инструментов и объектов инвестирования позволяет трактовать цифровую валюту как разновидность иного имущества, «монеты» цифровых валют — как объекты гражданских прав в контексте ст. 128 ГК.

Заключение

Цифровая валюта — это зашифрованная информация, существующая в электронной форме и хранящаяся в качестве продублированных данных в памяти компьютеров, объединенных в сеть и принадлежащих анонимным участникам математических вычислений. Узлы сети формируются путем свободного присоединения к действующему коллективу новых участников, увеличивая тем самым имущественный комплекс технических средств, функционирующий по специальной программе в интересах всего коллектива. В инвестиционно-экономическом ракурсе мы характеризуем подобную растущую сеть как финансовую пирамиду. Обязательным для участника локальной сети является подключение своего узла (компьютера) через индивидуальный адрес к Интернету, а также к источнику электроэнергии. Учет, генерация и изменение информации (цифровой валюты как совокупности электронных данных) происходят в рамках алгоритма математических вычислений на каждом компьютере внутри такой локальной сети. Исполнение обязанности поддерживать порядок «лицом, обязанным перед каждым обладателем таких электронных данных», невозможно. Велик риск внешнего вмеша-

тельства в надлежащую работу алгоритма математических вычислений, в частности, самого автора компьютерной программы. Предлагаем в связи с этим ввести обязательную в силу закона государственную регистрацию автора подобного результата интеллектуальной деятельности, ввести в правовое поле его обязанности авторского надзора за надлежащим функционированием соответствующего алгоритма математических вычислений. Наряду с этим необходим корреспондирующий указанной обязанности автора компьютерной программы правовой режим государственного контроля.

В российском правовом поле регулирования имущественного оборота место цифровой валюты характеризуется как *terra incognita*. С одной стороны, законодатель в нескольких словах упоминает цифровую валюту, лишь констатируя факт ее существования в информационных системах. В России регулирование цифровой валюты пока действует в самом общем, первоначальном виде в федеральном законе о цифровых активах. Установлено, что эта зашифрованная информация в электронной форме может предлагаться в качестве средства платежа, а также в качестве инвестиций. Полагаем, что в локальных компьютерных сетях внутри глобального Интернета отношения, складывающиеся среди лиц, взаимодействующих анонимно на экстерриториальной основе, при вычислении ими цифровых валют ни в какой мере не регулируются при признании законодателем цифровых валют средством платежа. Констатирующая факты сложившихся отношений санкция законодателя на то, что цифровая валюта может предлагаться и приниматься в качестве инвестиций, регулятивного значения не имеет. Цифровые валюты являются высоко рисковыми спекулятивными объектами инвестирования. Но с другой стороны цифровая валюта в российском налоговом законодательстве как объект налогообложения, в законодательстве о банкротстве и об исполнительном производстве как объект взыскания, в семейном законодательстве как совместная собственность супругов, а также в наследственном законодательстве фигурирует в качестве имущества. В контексте ст. 128 ГК цифровая валюта входит в состав иного имущества, «монета» цифровой валюты является объектом гражданских прав.

Сожаление вызывает применение законодателем в ФЗ №259 глагола «может». В Толковом словаре русского языка указано, в частности, что «может» — это «...выражение неуверенного подтверждения, вероятно, по-видимому...»¹³. При чем самым первым в перечне синонимов указан синоним «авось». Как видим, имеет место неуверенная попытка законо-

¹³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1940. Available at: URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1153382> (дата обращения: 22.06.2023)

дателя подступиться к регулированию децентрализованного и свободного от законов теневого оборота цифровых валют и отношений внутри него, однако первые шаги, самые трудные, сделаны. Доктринальные разработки юридического содержания и места цифровой валюты в системе государственного регулирования имущественного оборота, формирование, накопление и осмысление судебной практики по этой проблематике должны продолжаться.

Список источников

1. Бойкова К.О. Проблемный аспект определения правовой природы цифровых финансовых активов и цифровой валюты при расследовании преступлений, связанных с их оборотом // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 22. № 2. С. 181–192.
2. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. № 1. С. 9–19.
3. Вергелес Э.Р. Кriptoактивы: место в современном законодательстве // Академическая мысль. 2022. № 1. С. 35–37.
4. Габов А.В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 55–65.
5. Долгиева М.М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 128–139.
6. Иншакова А.О. (ред.) Объекты гражданских прав: учебник. Волгоград: ВолГУ, 2019. 567 с.
7. Кочергин Д.А. Кriptoактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. № 3. С. 75–130.
8. Кулигин В.Д.. Эволюция денег в направлении цифровой валюты // Вестник университета. 2022. № 4. С. 146–152.
9. Кучеров И.И. Правовые подходы к легитимации криптовалют // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 183–193.
10. Луняков О.В. Кriptoвалюта: инфляционный хедж денежного рынка или чистая спекуляция? // Банковское дело. 2021. № 5. С. 8–11.
11. Мосакова Е.А. Риски использования криптовалют как новейшей формы денег в условиях цифровой экономики // Информационное общество. 2021. № 3. С. 2–8.
12. Умаров Х.С. Влияние блокчейна и криптовалют на мировую финансовую систему: перспективы и противоречия // Финансы и кредит. 2021. № 9. С. 2096–2117.
13. Янковский Р.М. Кriptoвалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
14. Blandin A., Pieters G. et al. CCAF 3rd global cryptoasset benchmarking study. SSRN Electronic Journal, 2020. Available at: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3700822 (дата обращения: 23.06.2023)

15. Haentjens M. et al. The Failed Hopes of Disintermediation: Crypto-Custodian Insolvency, Legal Risks and How to Avoid Them. *SSRN Electronic Journal*, 2020. Available at: URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3589381> (дата обращения: 23.06.2023)
16. Jianqiang G. Data Element Embedding and Firm Performance: The Influence of ESG Investment. *Frontiers in Environmental Science*, 2022, vol. 10, art. 974399.
17. Lucchesi M. Blockchain and financial law: which legal responses to a technological evolution that could transform the sector? *International Business Law Journal*, 2021, vol. 2, pp. 167–178.
18. Nagl L. Digital Technology: Reflections on the Difference Between Instrumental Rationality and Practical Reason. *Kantian Journal*, 2022, no. 1, pp. 60–88.
19. Oluyeju M. Legal Protection of Investors from the Corporate Malfeasance of Insider Dealings: A South African-Canadian Comparative Review. *BRICS Law Journal*, 2022, no. 9, pp. 136–167.

References

1. Blandin A., Pieters G. et al. (2020) CCAF 3rd global cryptoasset benchmarking study. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3700822.
2. Boikova K.O. (2022) Problematic aspect of determining legal nature of digital financial assets and digital currency in the investigation of their turnover. *Kriminalistika=Criminalistics*, no. 2, pp. 181–192 (in Russ.).
3. Dolgieva M.M. (2022) Operations with cryptocurrencies: applying criminal law. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava=Issues of Russian Law*, no. 4, pp. 128–139 (in Russ.)
4. Gabov A.V. (2021) The digital ruble of the Central Bank as object of civil rights. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava=Issues of Russian Law*, no. 4, pp. 55–65 (in Russ.)
5. Haentjens M. et al. (2020) Failed hopes of disintermediation: crypto-custodian insolvency, legal risks and how to avoid them. Available at: URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3589381>.
6. Jianqiang G. et al. (2022) Data element embedding and firm performance: the influence of ESG investment. *Frontiers in Environmental Science*, vol. 10, art. 974399. DOI: <https://doi.org/10.3389/fenvs.2022.974399>.
7. Kochergin D.A. (2022) Crypto assets: economic nature, classification and regulation of turnover. *Bulletin of International Organizations*, no. 3, pp. 75–130. <https://doi.org/10.17323/19967845-2022-03-04>.
8. Kucherov I.I. (2018) Legal approaches to the legitimization of cryptocurrencies. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD=Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs Bulletin*, no. 2, pp. 183–193 (in Russ.)
9. Kuligin V.D. et al. (2022) Evolution of money in the direction of digital currency. *Vestnik universiteta=Bulletin of the University*, no. 4, pp. 146–152 (in Russ.)
10. Lucchesi M. (2021) Blockchain and financial law: which legal responses to a technological evolution that could transform the sector? *International Business Law Journal*, no. 2, pp. 167–178.
11. Lunyakov O.V. (2021) Cryptocurrency: inflationary hedge of the money market or pure speculation? *Bankovskoe delo=Banking Business*, no. 5, pp. 8–11 (in Russ.)

12. Mosakova E.A. (2021) Risks of using cryptocurrencies as the newest form of money in the digital economy. *Informatcionnoe obschestvo*=Information Society, no. 3, pp. 2–8 (in Russ.)
 13. Nagl L. (2022) Digital technology: reflections on the difference between instrumental rationality and practical reason. *Kantian Journal*, no.1, pp. 60–88. DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-3>.
 14. Objects of civil rights (2019) Textbook. A.O. Inshakova (ed.). Volgograd: University, 567 p. (in Russ.)
 15. Oluyeju M. (2022) Legal protection of investors from the corporate malfeasance of insider dealings: A South African-Canadian Comparative Review. *BRICS Law Journal*, no. 9, pp. 136–167.
 16. Vasilevskaya L. Yu. (2023) Digital ruble: a civilist's view. *Russkiy zakon*=Lex Russica, no. 1, pp. 9–19 (in Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019.
 17. Vergeles E.R. (2022) Crypto assets: a place in modern legislation. *Akademicheskaya mysl*=Academic Thought, no. 1, pp. 35–37 (in Russ.)
 18. Umarov H.S. (2021) The impact of blockchain and cryptocurrencies on the global financial system: prospects and contradictions. *Financy i credit*=Finance and Credit, no. 9, pp. 2096–2117 (in Russ.)
 19. Yankovsky R.M. (2020) Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, “other property” and digital money. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 13, no. 4, pp. 43–77 (in Russ.)
-

Информация об авторах:

А. И. Гончаров– доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор.

А. Н. Садков– кандидат юридических наук, доцент.

В. А. Садков– кандидат юридических наук, преподаватель.

Д. А. Давудов– кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

A.I. Goncharov — Doctor of Sciences (Law), Doctor of Economics, Professor.

A.N. Sadkov– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

V.A. Sadkov– Candidate of Sciences (Law), Lecturer.

D. A. Davudov– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted to editorial office 22.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.